

Коротчаев А. В., Малков А. С., Халтурина Д. А. 2007. *Законы истории: Математическое моделирование развития Мир-Системы. Демография, экономика, культура*. М.: КомКнига/URSS. С. 95–100.

Глава 7

Переосмысляя Вебера: грамотность и "дух капитализма"

В своей фундаментальной монографии *Протестантская этика и дух капитализма* немецкий социолог Макс Вебер выдвинул и обосновал гипотезу о том, что распространение протестантизма стимулировало развитие капитализма современного типа в Европе и Северной Америке. М. Вебер опроверг гипотезу о том, что экономические успехи протестантов в Европе в Новое время объясняются их положением религиозного меньшинства. Он показал, что немецкие католики, не смогли добиться тех же результатов, несмотря на то, что были религиозным меньшинством во многих частях Германии.

М. Вебер пришел к выводу, что существенные различия между социальным статусом и экономическими успехами католиков и протестантов в Европе объясняются, прежде всего, различиями в мировоззрении, заложенными в доктринах обеих конфессий. Он предполагает, что решающую роль в становлении "современного капитализма" в странах Запада сыграло возникновение особого "духа капитализма", включавшего в себя служение своему делу, стремление к приумножению богатства в сочетании с честностью и т.д. Предпосылки же возникновения духа капитализма, по М. Веберу, были заложены в теологии учений кальвинизма и других протестантских сект. Прежде всего, вера в предопределение и (в вульгаризированных версиях) в то, что знак о том, спасен человек или нет, можно получить, лишь совершенствуясь в своей профессии.

Многие из последователей Вебера склонны преувеличивать воздействие религиозно-этического фактора на экономическую динамику. Между тем сам Вебер пишет:

"... мы ни в какой степени не склонны защищать столь нелепый доктринерский тезис, будто 'капиталистический дух' (в том смысле, в котором мы временно употребляем это понятие) *мог* возникнуть *только* в результате влияния определенных сторон реформации, будто капитализм как *хозяйственная система* является продуктом реформации." (Вебер 1972, т.1: 109).

А ведь подобного рода тезисы приписываются Веберу до сих пор (см., например: Maddison 2001: 45).

Вместе с тем, Веберу, на наш взгляд, удалось вполне убедительно показать, что процессы религиозной эволюции могут оказывать определенное независимое воздействие на социально-экономическое развитие. С другой стороны, рассмотренные выше компактные макромоделли эволюции Мир-Системы позволяют предложить и другое объяснение корреляции между распространением протестантизма и определенным ускорением темпов экономического развития, справедливо замеченной Вебером. Начнем с того, что в экономической науке широко распространена точка зрения о том, что одним из важнейших факторов экономического роста является человеческий капитал, одним из основных компонентов которого является уровень образования (см. об этом, напр.: Schultz 1963, Denison 1962, Lucas 1988, Scholing, Timmermann 1988, Добрынин, Дятлов, Курганский 1999).

В Главе 6 мы провели тестирование специальной макромоделли, одним из допущений которой является положение о том, что распространение грамотности является значимым фактором экономического роста. Модель, построенная на этом допущении, хорошо соотносится с историческими данными по демографической, экономической и образовательной динамике Мир-Системы, а, следовательно, гипотеза предварительное тестирование прошла. Проверим теперь эту гипотезу, используя кросс-национальные данные.

Поскольку XX в. стал веком массового распространения грамотности по всему земному шару, то в настоящее время различия по уровню грамотности между странами все сильнее нивелируются. Между тем, согласно нашей гипотезе, различия в уровне экономического развития разных стран уходят корнями в период начала модернизации. Поэтому представляется целесообразным исследовать зависимость между такими показателями, как ВВП на душу населения в наши дни и уровень грамотности в начале XIX в. н.э.¹ Данные по этим показателям, а также по уровню ВВП на начало XIX в. представлены в Таблице 7.1:

¹ Поскольку все показатели уровня образования населения, как правило, тесно коррелируют между собой, то процент грамотного населения может рассматриваться в качестве хорошего интегрального показателя уровня образования населения в период модернизации.

Таблица 7.1. Среднедушевой ВВП в странах и регионах мира в 1800 г. (международные доллары 1980 г., ППС²), среднедушевой ВВП в 2000 г. (международные \$ 1995 г., ППС) и % грамотного населения в 1800 г.

Страна/регион	ВВП на душу населения в 2000 г. (в международных долларах ППС)	ВВП на душу населения в 1800 г. (в международных долларах 1980 г., ППС)	Процент грамотного населения в 1800 г.
США	31338.3	690	58
Великобритания	22652.46	1030	55
Германия	23912.56	790	55
Франция	23225.23	750	38
Израиль	18894.52		(35) ³
Япония	23828.07	420	33
Италия	22874.78	670	30
Китай	3547.436	500	20
Мексика	8182.173	690	11
Бразилия	6780.738	580	8
Россия	6643.602	488	8
Индия	2229.349	440	5
Индонезия	2807.264	425	5
Египет	3253.421	325	3
Африка южнее Сахары	1557.297		(1)

ПРИМЕЧАНИЕ: Источник данных по среднедушевому ВВП и уровню грамотности в 1800 г. – Мельянцеv 1996; по среднедушевому ВВП и уровню грамотности в России в 1800 г. – Мельянцеv 2003; по среднедушевому ВВП стран и регионов мира в 2000 г. – World Bank 2006. В скобках – наши оценки.

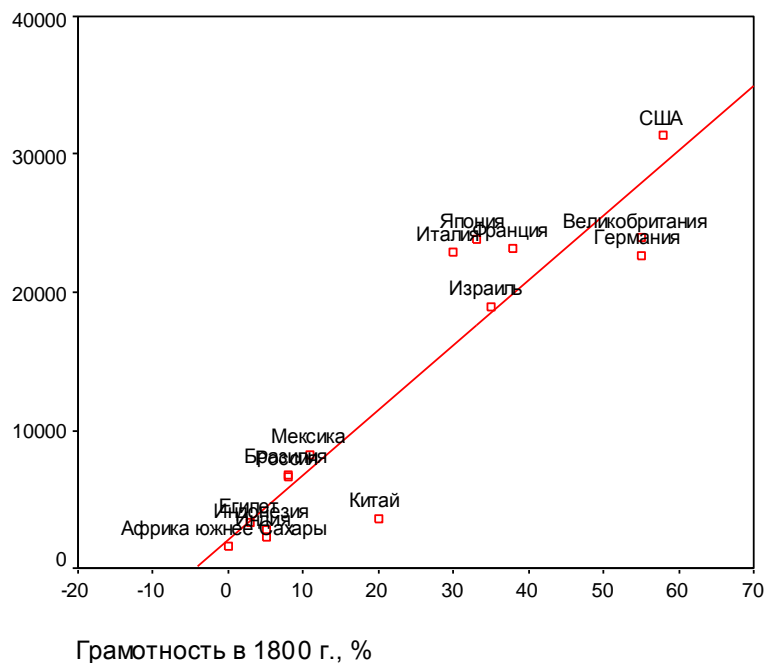
Данные в Таблице 7.1 показывают, что уровень экономического благосостояния в начале XIX в. в разных регионах различался не настолько существенно, чтобы стать ведущим фактором экономической дифференциации между регионами в последующем. Так, среднедушевой ВВП в Мексике был приблизительно таким же, как в США. Между тем, уровень грамотности различался существенно.

На Диаграмме 7.1 представлено распределение следующих показателей: уровень грамотности в 1800 г. и среднедушевой ВВП в 2000г.

² В паритете покупательной способности.

³ Среднее взвешенное по евреям сефардам, евреям ашкенази и палестинским арабам. Источник данных по этническому составу Израиля: Central Intelligence Agency 2006.

Диаграмма 7.1. Диаграмма рассеивания показателей уровня грамотности в 1800 г. (% грамотного населения) и среднедушевого ВВП в 2000 г. (международные доллары 1995 г., ППС)

ПРИМЕЧАНИЕ: $R = 0,93$; $R^2 = 0,86$; $\alpha = 0,0000003$ (односторонний тест).

Из Диаграммы 7.1 видно, что существует сильная и, безусловно, значимая линейная корреляция между уровнем грамотности в 1800 г. и показателем ВВП на душу населения в наши дни. Коэффициент R^2 указывает на то, что данная корреляция объясняет 86% всей дисперсии данных.

Таким образом, гипотеза о том, что распространение грамотности является одним из сильнейших факторов экономического роста, получила дополнительное подтверждение. Грамотное население, с одной стороны, имеет гораздо больше возможностей для восприятия и использования достижений модернизации, а другой стороны, оно более активно производит инновации, способствующие дальнейшему модернизационному развитию и экономическому росту.

Грамотность не только облегчает процессы усвоения индивидом инноваций, но и, в определенной степени, меняет его мышление. Исследования

выдающихся советских психологов А. Р. Лурии, Л. С. Выготского и Ф. Н. Шемакина на основе результатов экспедиций в Средней Азии в 1930е гг. показали, что образование оказывает фундаментальное воздействие на формирование познавательных процессов (восприятия, памяти, мышления). В ходе исследования выяснилось, что неграмотные респонденты, в отличие от грамотных, предпочитали конкретные цветовые обозначения абстрактным, а ситуативную группировку предметов категориальной, на которой базируется абстрактное мышление. Кроме того, неграмотные респонденты не решали силлогистические задачи типа "Драгоценные металлы не ржавеют. Золото – драгоценный металл. Ржавеет золото или нет?". Эти силлогизмы казались респондентам бессмысленными, поскольку были вне сферы их практического опыта. Грамотные респонденты, получившие хотя бы минимальное формальное образование, легко решали предложенные силлогизмы (Лурия 1974, 1982: 47–69). Аналогичные результаты были получены и в других обществах с высокой долей неграмотного населения (Ember 1977; Rogoff 1981).

Таким образом, грамотный рабочий, солдат, изобретатель и т.д. оказывается эффективнее неграмотного не только благодаря способности прочитать инструкции и учебные пособия, но и благодаря более развитым навыкам абстрактного мышления. Подтверждение этому, в числе прочего, можно найти в работе М. Вебера:

"Черты отсталого традиционализма проявляются в наши дни особенно часто в деятельности *работниц*, прежде всего незамужних. Почти повсеместно предприниматели, нанимающие работниц, в частности работниц-немок, жалуются на полное отсутствие у них способности и желания отказаться от воспринятых некогда привычных методов, заменить их более целесообразными и практичными, приспособиться к новым формам организации труда, научиться чему-либо, сконцентрировать на чем-либо свои мысли или вообще мыслить. Попытки разъяснить им, как сделать работу более легкой, и, прежде всего, более выгодной, встречают полное непонимание, а повышение расценок оказывается бесполезным, поскольку оно наталкивается на силу привычки. Совсем иначе обстоит дело (а это немаловажно для нашего исследования) там, где работницы получили специфически религиозное воспитание, в частности, где они вышли из pietistских кругов" (Вебер 1972, т.1: 75–76).

Указанные черты поведения немецких работниц в конце XIX – начале XX вв. свидетельствуют о низком уровне грамотности и образования немок из рабочих слоев. Распространение женской грамотности в Германии, как и практически повсеместно, запаздывало по сравнению с грамотностью мужской (см. Главу 8). В начале XX в. только в наиболее развитых регионах Германии большинство женщин могли читать и писать (Мельянцева 1996). Более рациональное поведение немецких работниц из pietistской среды легко объясняется особой ролью образования в протестантском образе жизни.

В отличие от католиков, умение читать было протестантам жизненно необходимо для того, чтобы исполнять свой религиозный долг – читать Библию. Для католиков-мирян чтение Святого Писания не только не было обязательным, но и долгое время было запрещено.

Если решением Тулузского собора 1229 г. было запрещено иметь при себе любые копии Библии и, особенно, в переводах на местные языки мирянам, то Таррагонский собор 1234 г. распространил запрет на духовных лиц, а Оксфордский собор 1408 г. запретил все переводы Святого Писания без исключения. Протестантские группы с самого начала не признавали этого запрета. В частности Лютер осуществил 1522–1534 гг. перевод сначала Нового, а затем и Ветхого Завета на немецкий язык, чтобы каждый немец мог читать Святое Писание на родном языке. Более того, протестанты рассматривали чтение Священного Писания в качестве религиозного долга любого христианина. В результате уровень грамотности и образования среди протестантов был, в целом, выше не только такового у католиков, но и у последователей других конфессий, у которых не было религиозного стимула к обучению грамотности (см., например: Малерб 1997: 139–157).

На наш взгляд, прежде всего этим и объясняется подмеченная М. Вебером разница между экономическими успехами протестантов и католиков в Европе конца XIX – начала XX вв. Среди исследовательских задач Вебера было обоснование того, что религия может оказывать самостоятельное воздействие на экономические процессы. Результаты нашего исследования подтверждают это положение. Действительно, духовные лидеры протестантизма призывали своих последователей читать Библию вовсе не с целью способствовать экономическому росту, а по религиозным соображениям, сформировавшимся в ходе достаточно независимо протекавших идеологических процессов. Мы не отрицаем того, что особенности протестантской этики могли способствовать развитию капитализма. Но при этом, на наш взгляд, мы обнаружили еще один (и, по всей видимости, более мощный) канал воздействия протестантизма на экономический рост стран Запада.